

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД КОМПОЗИЦИЕЙ «ХРОНОГРАФИИ» ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ФЕОФАНА¹

Композиции, да и вообще форме византийских исторических сочинений, до сих пор уделялось несправедливо мало внимания. Литературоведам хроники казались слишком малозначимыми художественно, дабы всерьез заниматься ими как литературными памятниками, а историки были озабочены лишь извлечением из них фактических сведений. Между тем композиция исторических сочинений, то есть форма организации исторического материала, система связей, сцеплений между эпизодами и сообщениями — не что иное как непосредственная материализация представлений писателей о связи самих исторических фактов, в конечном итоге своеобразная практическая философия истории византийцев. Не упоминаем уже о чисто литературных приемах построения, исследование которых всегда представляет первостепенный интерес для художественного анализа произведений.

Смена эпох — античности и средневековья — четко сказалась на форме историографических сочинений. «Субъективная», «свободная», «художественная» (суть дела сейчас не в названии) композиция произведений поздних античных историков сменилась строгой ранжированностью материала, подчинением его неким извне накладываемым, чаще всего хронологическим схемам². Кульминацией этого средневекового принципа композиции исторических сочинений были, конечно, всемирно-исторические хроники с аналитическим или близким к нему способом расположения материала. Однако на византийской почве строгая анналистика не пустила глубоких корней и по сути дела оказалась представленной одним Феофаном Исповедником. Хотя материал «Хронографии» Феофана неоднократно использовался последующими историками, форма его сочинения продолжателей не нашла.

Хронография X в. вновь возвращается к традиции так называемых «императорских хроник» (*Kaiserchronik*), исторические события в которых распределялись не по годам, а по царствованиям отдельных императоров. Однако у большинства хронистов (Георгия Монаха, Продолжателя Георгия Монаха, Симеона Логофета и др.) имя императора служило простым эпонимом для повествования, представлявшего собой набор разнородных сообщений, и фактически выполняло роль хронологи-

¹ В настоящей статье рассматриваются только первые пять книг сочинения Продолжателя Феофана (цитируем его по изданию *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonn, 1838 (далее: ThC). Такая избирательность вполне оправдана, поскольку «Хронография» — произведение сборное, составленное неизвестным нам редактором из самостоятельных сочинений по крайней мере трех разных авторов. См.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. I. S. 339 f. Сложной проблемы возникновения этого сочинения как целого мы здесь касаться не станем.

² *Beaucamp J., Bondoux R., Lefort J. et al. Temps et histoire. I: La prologue de la chronique Pascale // Travaux et Memoires*. 1979. 7. P. 223 suiv.; Любарский Я. Н. Хронография Иоанна Малалы: проблемы композиции // *Festschrift für Fairy von Lilienfeld*. Erlangen, 1982. S. 411 ff.

ческой пометы. На этом фоне резко выделяется построение труда Продолжателя Феофана.

Так как тексты «Хронографии» Продолжателя Феофана и «Книги царей» Генесия восходят к общему источнику, приблизительный тип которого можно восстановить, существует некоторая возможность определить и характер его переработки. Сплошное повествование этого общего источника разбивается Продолжателем Феофана и Генесием на книги, посвященные отдельным императорам, каждая из которых ощущается как композиционно законченное целое. Продолжатель Феофана неоднократно ссылается на предыдущие и последующие разделы (Книги) своего труда, именуя их το βιβλος или βιβλίον (ThC 84.16; 174.16), το σύνταγμα (p. 40.15), το ιστορία (p. 83.16). Относительная завершенность разделов еще более подчеркивается наличием в конце каждого из них заключительной характеристики героя, своеобразной модификации традиционного античного *elogium*'а, которую самостоятельно создают Продолжатель Феофана и Генесий, в общем источнике скорее всего ее не было вовсе³. Тенденция создать в каждой книге композиционно завершенное повествование не только свидетельствует о стремлении писателя поставить в центр рассказа личность императора, но и дает нам право анализировать каждый раздел как законченный и самодостаточный текст.

Анализ мы начнем с двух первых книг, посвященных царствованиям Льва V и Михаила II, дабы затем посмотреть насколько универсальны и общезначимы для Продолжателя Феофана принципы их построения. Историк явно не знает времени свершения многих событий, путает их последовательность, тем не менее твердо убежден в необходимости хронологического порядка. Особенно четко это стремление проявляется, когда оно приходит в явное противоречие с другой особенностью писателя — его подчеркнутой любовью к историческому эпизоду и историческим деталям. События для нашего автора — уже не материал для заполнения пустых ячеек в хронологической сетке как, например, для Феофана, а приобретают самоценное достоинство. Продолжатель Феофана, в отличие от большинства хронистов и значительно чаще, чем Генесий, «с удовольствием» останавливает течение рассказа, возвращает его назад, дабы поведать об истоках того или иного события, рассказать подробно о нем самом и, наконец, сообщить о его последствиях. Как правило, не забывает Продолжатель Феофана сообщить о дальнейшей судьбе упомянутых им людей (ThC 10.19; 76.9; 72.2 и др.), четко отметить окончание эпизода (ThC 78.1; 81.1; 83.13 и др.).

В точках пересечения этих противоположно направленных тенденций плавное течение рассказа нарушается и восстановлено может быть лишь волевым авторским вмешательством в текст. «Вернемся к истории», «но об этом расскажем позже» — такими и подобными им замечаниями пестрят разбираемые книги Продолжателя Феофана (см., например: ThC 21.14; 23.18; 47.15; 49.19 и др.).

Говоря о стремлении Продолжателя Феофана к хронологическому изложению, надо помнить, что время для него, в отличие от многих других хронистов, — не непрерывная линия, соединяющая две временных точки: начала и конца повествования, а скорее некая последовательная сумма «отрезков» (периодов правления отдельных императоров), в начале и в конце нередко накладываемых один на другой. Иными словами, сплошное повествование общего источника Продолжатель Феофана стремится превратить в сумму рассказов биографического характера. Наиболее отчетливо проявляется эта тенденция в разделе, посвященном Льву V. Как можно догадаться, гипотетический Общий источник Продолжателя Феофана и Генесия начинался, как и положено хронике с «нормальной структурой», с воцарения Льва, а предыстория императора сообщалась

³ Подробно об этом говорится в подготовленной нами к печати статье, специально посвященной проблеме общего источника сочинений Продолжателя Феофана и Генесия.

в отступлении. Именно такую структуру и сохраняет Генесий. Продолжатель же Феофана биографически «выпрямляет» рассказ, начинается с происхождения родителей героя, сообщает о захвате власти и затем хронологически последовательно повествует о жизни Льва и событиях его царствования. Все сведения о происхождении и ранних годах Льва, рассеянные у Генесия (и, видимо, в Общем источнике) по всему повествованию, концентрируются Продолжателем Феофана в начале рассказа, так сказать, на своем хронологическом месте⁴. Таким образом, исторический материал Общего источника подвергается переаранжировке в угоду биографическому принципу⁵. Не исключено, что следы подобного вмешательства сохранились и в следующем разделе о Михаиле II. Хотя часть эта и начинается с воцарения Михаила, однако сразу же после этого сообщения у Продолжателя Феофана рассказывается о происхождении и воспитании Михаила (ThC 42.7—44.11). У Генесия подобного рассказа нет, тем не менее его рудименты сохранились в конце раздела об этом императоре (*Gen.* 35.68), и можно, следовательно, думать, что рассказ этот содержался в Общем источнике. У Продолжателя Феофана он опять-таки оказался на своем «хронологическом месте».

Раздробив историю на серию разделов, посвященных отдельным императорам, Продолжатель Феофана — и это вполне закономерно — оказался в зоне притяжения другого жанра, который часто взаимодействовал с историографией, — риторики⁶.

В риторике издавна, с античных времен, культивировались литературные формы, предназначенные для похвалы (энкомий) или, напротив, поношения (псгос) персонажей. Характерной чертой всех видов этих риторических биографий была строгая рубрицированность их композиции. Стабилизировавшаяся уже в поздней античности схема (например, Афтония) предписывала упорядоченное следование определенных сведений о герое, перечисление жестко фиксированных его качеств. Нетрудно заметить, что в главных своих элементах рубрики Афтония выдерживаются в двух первых книгах «Хронографии» Продолжателя Феофана. Покажем это с помощью схемы⁷:

Схема I

схема Афтония	Лев V	Михаил II
I.1 πατρίς	I.1 с. 6.4	I.1 с. 42.7—44
I.2 προγονοί	с. 6.4—5	
I.3 πατερες	с. 6.5—8	42.13
II ανατροφή		42.17—44.11
III πραξεις	с. 23.19—40.3	с. 42.17—83.16
IV επίλογος	с. 40.4—13	с. 83.16—84.11

⁴ Сообщение о происхождении Льва (ThC 6.4—8) находит соответствие в заключительной характеристике императора у Генесия (*Iosephi Genesii regum libri quattuor* / Res. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. В., 1978. (Далее: *Gen.*). P. 21.39—43). История Льва до воцарения (ThC 6.9—11.3) изложена у Генесия в виде отступления (*Gen.* 6.2—8.58).

⁵ Чтобы наглядней это продемонстрировать, разделим повествование Продолжателя Феофана на пронумерованные по порядку «эпизоды». А затем «сложим» эти эпизоды в том порядке, в каком они помещены у Генесия. Вот результат: 4а, 5, 2, 3, 6, 4б, 7, 8, 10, 9, 12, 11, 13, 17, 15. Цифры с буквенными индексами (4а, 4б) обозначают «подэпизоды».

⁶ Византийцы постоянно смешивали эти жанры, хотя очень любячи рассуждать об их принципиальных различиях. См.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978. С. 140.

⁷ Схема «идеального» энкомия вычленена в книге Барджеса. См.: *Burgess Th. Eiredeictic Literature*. Chicago, 1902. P. 289 ff.

Здесь она значительно упрощена. Оупцен, например, пролог, (προόμιον), которого не может быть в связанном историческом повествовании Продолжателя Феофана. Не подразделяются очень близкие разделы ανατροφή и παιδεία, не учтен специфически риторический προλόγιος и т. д. Тем не менее сохранены основные «формообразующие» рубрики Афтония.

Одни структурные элементы риторической схемы существуют у Продолжателя Феофана в рудиментарном виде (например, *πατέρες* в разделе о Михаиле II), другие (например, *ἀνατροφή* в той же книге) развиты достаточно хорошо, в целом же структурная схема энкомия—псогоса простирается в обоих случаях достаточно явственно.

Вряд ли следует думать, что Продолжатель Феофана сознательно и целенаправленно применял риторическую схему к своему повествованию. Многократно повторяемая в панегирических речах и энкомиастических житиях, она «жила в сознании» любого образованного византийца и в любой момент «готова была» облечь формой, пригодной к тому, литературный материал⁸.

Хронологическое следование и риторические структурные элементы — не единственные скрепы, соединяющие отдельные эпизоды в связанное историческое повествование Продолжателя Феофана. Очевидное важное композиционное значение впервые, кажется, в разбираемых книгах имеет и идея провидения, хотя сама она, конечно, не нова в византийской исторической литературе. Вся судьба Льва V и Михаила II предопределена заранее. Заранее предсказано их восшествие на престол, их смерть — расплата за нечестие и иконоборчество. Демонстрация этого — главная цель повествования Продолжателя Феофана («А мы последуем дальше в рассказе, взирая на последствия его безбожных деяний», — говорит сам писатель: ThC 49.18—19). Однако карающая десница опускается на головы грешников не сразу. Между предсказанием и свершением, проступком («вызовом») и наказанием («ответом») проходит время, наполненное суровыми знаменами⁹, и именно это создает сюжетную напряженность и определенный драматизм повествования. Внимание читателя уже не концентрируется на хронологически распределенных событиях (как при чтении, например, «Хронографии» Феофана Исповедника), а поддерживается ожиданием исполнения предсказанного или наступления неминуемой расплаты. Таким образом появляется у Продолжателя Феофана нечто вроде сюжета, движимого, правда, не человеческими взаимоотношениями, но божественной волей. В этом «сюжете» имеются опорные точки, или, если угодно, сквозной мотив, помогающий развитию действия. Роль его в разбираемых разделах играет пророчество монаха из Филомилия. Впервые мотив этот появляется в самом начале раздела о Льве V, когда знатный вельможа Никифора I Варданий, стремясь к царской власти, посещает некоего монаха из Филомилия. Последний, однако, пророчит царство не ему, а находящимся в его свите Льву и Михаилу (ThC 7.5 sq). Происходит, так сказать, «завязка сюжета». Пришедший к власти Лев желает отблагодарить монаха, однако тот к тому времени успел умереть, а живущий в его доме некто Симватий побуждает Льва отказаться от иконопочитания, т. е. совершить главный проступок его жизни, за который и должен он понести расплату. Таким образом, «трагическая вина» Льва тоже, хотя и косвенно, связана с образом монаха из Филомилия. Дважды на протяжении рассказа о Льве вспомнит Продолжатель Феофана о предсказании этого монаха (ThC 34.10; 37.9 сл.), дабы не позволить читателю забыть о провиденциалистском характере всего происходящего. Интересно, что мотив монаха из Филомилия не завершается в разделе о Льве V, а переходит в следующий, посвященный Михаилу II. Последний решается на узурпа-

⁸ Кажущиеся застывшими и неподвижными византийские литературные жанры на самом деле очень динамичны. Даже в пределах одного произведения византийский писатель может свободно переходить от одного жанра к другому в зависимости от изменения содержания и авторских целей. Жанр, таким образом прикреплен к определенному содержанию. Вот почему изменившееся содержание или авторские цели приводят литературное произведение в «сферу притяжения» иного жанра и некоторые сочинения оказываются столь многожанровыми. Аналогичные наблюдения над древнерусской литературой сделаны Д. С. Лихачевым. См.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. Л., 1967. С. 44.

⁹ «Бог же нравом своим не скор, но великодушен, сверкнул мечом, но не опустил его. . .» (ThC 33.13).

цию власти, лишь вспомнив об упомянутом пророчестве (ThC 46.10). Страхась исполнения пророчества, решается выступить против Михаила и Фома Славянин (ThC 22.15). Таким образом, сквозной мотив пророчества монаха из Филомилия создает дополнительные связи в разбираемых книгах «Хронографии» Продолжателя Феофана.

Итак, три основных композиционных приема удается вычленил при анализе построения двух первых книг сочинения Продолжателя Феофана: элементарную хронологическую последовательность, риторическую рубрикацию и, наконец, сквозной мотив, определенный идеей провидения. Такого сочетания мы не встречали в предшествующей византийской историографии. Но насколько оно оригинально, не заимствовано ли из Общего источника, о котором шла речь выше, тем более что его композиция, видимо, отнюдь не отличалась элементарностью¹⁰? Попытаемся ответить на этот вопрос можно, только сравнив текст Продолжателя Феофана с соответствующими разделами «Книги царей» Генесия. Не станем говорить о хронологическом следовании: стремление к нему, во всяком случае декларативное, — общее место любых историографических сочинений. Что касается второго приема, то и следа его не удастся обнаружить у Генесия. Как уже говорилось, сведения о родине (*πατρίς*), роде (*γένος*), родителей (*πατέρες*), воспитании (*ἀνατροφή*), составляющие непренный структурный элемент энкомия—послоса и находящиеся у Продолжателя Феофана, где им и положено быть, в начале, разбросаны у Генесия по всему произведению¹¹. Можно думать, что Продолжатель Феофана переаранжировал этот материал и расположил его в соответствии с риторическими правилами. Идея провиденциализма и связанный с нею сквозной мотив монаха из Филомилия имеются и у Генесия и, следовательно, были заключены и в Общем источнике. Значительно, однако, что у Продолжателя Феофана сей монах упоминается шесть раз, в то время как у Генесия всего три (ThC 6.8; 10.20; 17.10). Сюжетообразующую роль провидения у Продолжателя Феофана можно было показать на ряде примеров. Ограничимся одним: у Генесия, как и у Продолжателя Феофана, за характеристикой Льва следует рассказ о свержении этого императора Михаилом (*Gen.* 15.44 и след. = ThC 33.12 и след.). Однако если у Генесия — простое хронологическое примыкание эпизодов, то у Продолжателя Феофана свержение Льва представляется закономерным возмездием за его ересь.

Третья книга «Хронографии» Продолжателя Феофана композиционно весьма отлична от соответствующих разделов «Книги царей» Генесия. В ней много эпизодов, которых у Генесия нет вовсе, а те, что совпадают, нередко следуют у двух авторов в разном порядке¹². Индивидуальное творческое начало в построении произведения, видимо, проявляется здесь весьма отчетливо. Но в чем же своеобразие композиции этого раздела?

Оба произведения начинаются с одного эпизода, в котором только что провозглашенный император устраивает собрание знати в Магнавском дворце, где с помощью умело задуманной провокации избавляется от потенциальных заговорщиков (ThC 85.6—86.8 = *Gen.* 36.82—93). На этом, однако, следование общему источнику кончается, и Продолжатель Феофана дает серию эпизодов, за некоторым исключением не нахо-

¹⁰ Можно привести пример весьма изысканной организации материала, свойственной как Продолжателю Феофана, так и Генесию, и, следовательно, восходящей к Общему источнику. Рассказывая о победе Льва V над болгарами в 813 г., оба автора утверждают, что успех ожесточил нрав царя, который обрушился с новыми карами на подданных (ThC 25.20 и след.; *Gen.* 13.83 и след.). После этого следует рассказ о жестокостях Льва. Такой способ сцепления эпизодов через личность героя достаточно сложен и весьма необычен для X в.

¹¹ См. выше.

¹² Приведем схему расположения эпизодов Продолжателя Феофана в переаранжировке Генесия 2, 21а, 25г, 21в, 28б, 31, 28а, 28г, 28в, 25, 30, 23, 33. Названия эпизодов не приводятся, и читателю вновь приходится полагаться на добросовестность автора.

дящих аналогии у Генесия¹³. Все эти эпизоды — расположенные без всякого хронологического порядка сообщения о деяниях Феофила во внутригосударственной сфере или же о его человеческих привычках и свойствах. Вот их перечень¹⁴: 1. Справедливость Феофила (ThC 85.1—94.18). 2. Строительная деятельность (ThC 94.19—99.3). 3. Отношение к иконодулам (ThC 99.4—106.11). 4. Любовь к церковному пению (ThC 106.17—107.5). 5. Запрещение носить длинные волосы (ThC 107—6.6). Забота о дочерях (ThC 107.14—109.16). По сути дела они представляют собой не что иное как «деяния» (πραξεις), непреходящую часть риторических биографий, уже встреченную нами при анализе предшествующих книг сочинения Продолжателя Феофана. Нарочито игнорирующие всякую хронологию, подобранные по эйдологическому принципу эпизоды эти, видимо, извлечены Продолжателем Феофана из иных частей Общего источника или даже заимствованы им «со стороны» и использованы для характеристики Феофила и его внутригосударственной деятельности. Следующая часть πραξεις в основном совпадающая с Генесием и, следовательно, перешедшая из Общего источника уже имеет предметом внешнеполитическую историю. Однако прежде чем приступить к ней, приведем еще одно наблюдение. Лишив эпизоды хронологической связи, Продолжатель Феофана отнюдь не оставил их без всякого сочленения. Например, писатель рассказывает о строительной деятельности Феофила и между прочим сообщает, что последний, выселив из зданий блудниц, построил на освободившемся месте странноприимный дом (ThC 95.2—7). Так вот он обращался с блудницами, продолжает писатель, впрочем сам был покорен чарами служанки парицы Феодоры (следует рассказ о небольшой интрижке царственного героя (ThC 95.7—14). Феодора снисходительно простила увлекшегося супруга, и Феофил соорудил новый дворец для своих дочерей (ThC 95.14—18). Продолжается рассказ о строительной деятельности.

А вот другой случай, тоже касающийся Феодоры. Историк повествует о справедливости и нелицеприятности Феофила и приводит в качестве примера случай, когда царь велел сжечь корабль, принадлежавший его супруге (ThC 88.10—89.14), затем следует рассказ о самой Феодоре и ее родителях (ThC 89.15—22), далее повествуется о матери Феодоры Феоктисте, тайно от царственного зятя приобщавшей внушек к иконопочитанию (ThC 90.1—91.10), аналогично вела себя и сама Феодора (ThC 91.11—92.17). Повествование вновь возвращается к теме справедливости Феофила...

Оба приведенных случая аналогичны. Перед нами типичное ассоциативное (или скорее тематически-ассоциативное) сочленение, когда рассказанный эпизод вызывает в памяти писателя другой аналогичный случай или рассказ, и повествование движется вперед не по временному или какому иному принципу, а по подобию и взаимосвязанности материала. Отклонившись от главного пути, повествование, переливаясь из одного эпизода в другой и описав дугу, возвращается в конце концов на основную магистраль (справедливости во втором и строительной деятельности Феофила в первом примере). Этот метод по сути своей противоположен следованию жесткой временной схеме (как у Феофана), его появление — свидетельство раскованности мысли или, если угодно, воображения историка, следующего в рассказе своем не строгим предписаниям извне накладываемой схемы, а комбинирующего материал в зависимости от сиюминутных, иногда случайных и во всяком случае достаточно свободных ассоциаций. Знаменательно, что «раскованность», «сво-

¹³ Только два отдельных сообщения из этой части раздела о Феофиле мелькают у Генесия в «заключительной характеристике» этого лица. Это рассказы о сожжении корабля императрицы (ThC 88.4—89.14=*Gen.* 53.90—99) и о сооружении стен (ThC 94.19=*Gen.* 53.85—87).

¹⁴ Под первыми тремя рубриками скрываются не один, а несколько эпизодов, объединенных одной темой.

бода» композиции оказывается характерной для той части сочинения, где Продолжатель Феофана, видимо, отходит от своего источника...

Следующая заимствованная из Общего источника часть «деяний» (πραξεις), в противоположность предыдущей, строится по хронологическому принципу. Неважно, что Продолжатель Феофана имеет весьма смутные представления о хронологии, что пересказывает свой источник скорее всего по памяти и к тому же не очень точно: автор явно стремится построить повествование по временной схеме. Основу рассказа составляют пять последовательных походов императора Феофила против арабов¹⁵, между которыми располагаются отдельные сообщения, сочлененные с окружающим текстом с помощью частицы δε или простейшей темпоральной связи («в то же время» — κατὰ τὸν αὐτὸν καιρὸν, τότε и т. п.)¹⁶.

Своеобразие раздела о Феофиле Продолжателя Феофана опять-таки четко вырисовывается при сравнении его с рассказом о том же императоре у Генесия. У последнего — хронологически выдержанный (впрочем, весьма относительно) рассказ, заключенный между сообщениями о воцарении и смерти императора. У Продолжателя Феофана — практически построенные по риторической модели — «деяния», сначала касающиеся внутренних, а затем внешних дел. Для «внешних дел» использован, видимо, пересказ соответствующих частей Общего источника. «Дела внутренние» скорее всего скомбинированы из разнородных сообщений, где временные связи заменяются свободными ассоциациями.

Анализ четвертого раздела сочинения Продолжателя Феофана, кажется, мало что может дать для наших целей. Хронологизированный порядок следования эпизодов здесь почти совпадает с «Книгой царей» Генесия¹⁷. Можно подумать, что оба автора лишь повторяют композицию Общего источника. Внешнее подобие, однако, еще больше подчеркивает различие. У Генесия сообщения о внутри- и внешнеполитической истории сочленены простейшим способом хронологического примыкания¹⁸. У Продолжателя Феофана на первый план выступает уже отмеченный нами метод ассоциаций, которые здесь оказываются особенно гибкими и разветвленными. Один пример призван продемонстрировать различие между двумя авторами.

В сочинении Генесия один за другим следуют два никак внутренне между собой не связанных эпизода: война с болгарами (*Gen.* 61.89—4) и распря между кесарем Вардой и Феоктистом (*Gen.* 61.5—64.83). Между ними — элементарное хронологическое сочленение («Прошло немного времени и ...» — *Gen.* 61.5). Совершенно иначе у Продолжателя Феофана. История борьбы с болгарами (*ThC* 162.3—13) «тянет» за собой рассказ о крещении болгар (*ThC* 162.13—165.10). Последний эпизод есть и у Генесия, но стоит он там на своем хронологическом месте (*Gen.* 62.42—52). Между обоими событиями — дистанция в несколько лет, однако объединяются они именно в силу тематической близости. Если упомянутая пара эпизодов ассоциирована между собой «по этническому принципу» (в обоих случаях речь идет о болгарах), то следующий за ними эпизод присоединяется уже «по конфессиональному соответствию»: историк рассказывает о попытке обращения в истинную веру павликиан: (*ThC* 165.11—167.1). Рассказ же о павликианах совершенно естественно

¹⁵ Первая кампания Феофила против арабов см.: *ThC* 112.22 и след.; вторая (на следующий год) — 114.17 и след.; третья (следующей весной) — 116.9 и след.; четвертая (на следующий год) — 122.16 и след.; пятая — 124.6 и след.

¹⁶ См. сообщения о рукоположении патриарха Иоанна Грамматика (*ThC* 121.6—9), данных Феофилу предсказаниях (*ThC* 121.10—122.15), о мученичестве 42 аморийских воинов (*ThC* 132.1—134.1), о посольстве к франкскому королю (*ThC* 135.1—15).

¹⁷ Вот как следуют у Генесия пронумерованные по порядку эпизоды Продолжателя Феофана: 1, 2, 5, 6, 7, 8, 12, 15, 13, 17, 18, 20, 21, 9, 22, 23, 25, 27, 29.

¹⁸ Иногда это хронологическое примыкание никак не выражено, иногда имеются соединительные фразы типа «вскоре», «через некоторое время» и т. п. См.: *Gen.* 60.84, 61.89; 61.5, 64.84 и др.

переходит в повествование о их союзе с арабами и о намерении царя Михаила выступить против последних (ThC 167.11—168.4). В этом желании укрепляет царя кесарь Варда (ThC 167.16). Упоминание Варды дает основание поведать о его распре с Феоктистом... (ThC 168.5 сл.). На месте элементарного временного перехода в «Книге царей» Генесия («прошло немного времени и...») у Продолжателя Феофана оказывается довольно сложное сцепление «переливающихся» один в другой эпизодов. Еще более, чем с методом Генесия, контрастирует приведенный эпизод с принципами предшествующей историографии: не объективированное время, а объединенные в сложном сцеплении вокруг личности императора события составляют композиционную структуру сочинения. Что же касается времени, то оно «вытесняется на второй план» повествования, и его течение фиксируется лишь при необходимости. В анализированном выше отрывке например, сообщается, что рвущийся в поход на арабов Михаил успел между тем выйти из детского возраста (ThC 167.11 сл.). Пока происходили сочлененные ассоциативными связями эпизоды, текло время...

Пятая книга «Хронографии» Продолжателя Феофана, известная обычно под наименованием «Жизнеописание Василия», занимает в произведении особое место. Она принадлежит самому императору Константину Багрянородному, была написана как самостоятельное произведение и лишь позже включена в состав «Хронографии». Вот почему книга эта обладает той композиционной законченностью, которой не может быть у других частей, входящих в труд Продолжателя Феофана. О форме своего сочинения сам Константин кое-что сообщает в предисловии: «Давно испытывал я желание и стремление всепомнящими и бессмертными устами истории вселить в умы серьезных людей опыт и знание и хотел, если бы достало сил, по порядку описать достойнейшие деяния самодержцев и их вельмож, стратигов и ипостратигов во все времена ромейской власти в Византии. Но потребны тут и время большое, и труд непрерывный, и книг множество, и досуг от дел, а поскольку ничего этого нет у меня, я по необходимости избрал другой путь и расскажу пока что о деяниях и всей жизни от начала до самой смерти только одного царя» (ThC 211.12 сл.). Искренность оправданий царственного писателя вызывает подозрения. Трудно представить, чтобы у Константина Багрянородного, скорее ученого энциклопедиста, нежели практического деятеля, не находилось времени для исторических штудий. Еще труднее допустить, что в императорской библиотеке не хватало книг для написания исторического труда (откуда же он делал тогда выписки для своих знаменитых «эксцерптов!»). Приведенная декларация — скорее отговорка (может быть, перед самим собой!), нежели серьезные доводы. Желая поведать об одном императоре — своем деде, пугаясь необычностью своего намерения (Византия не знала жанра светской биографии), Константин пытается оправдаться перед читателем за отступление от привычных жанровых форм. Все новое в византийской литературе нуждается в оправданиях и извинениях.

Собираясь писать в жанре истории, Константин старается выдержать хронологический порядок изложения, но, выбирая темой жизнеописание только одного, к тому же им безмерно почитаемого, героя, неминуемо, как это уже бывало, попадает в сферу притяжения другого жанра — риторики. Рассказ о Василии начинается с традиционного для энкамфия — сообщения о родине, родителях, воспитании и детских годах героя (ThC 212.18—223.10). После сообщения о провозглашении Василия единодержавным правителем начинаются, как и положено, πράξεις — «деяния» царя. Для большей наглядности приведем их схематический перечень в возможных случаях вместе с указаниями на датировку:

1. 255.6—261.19	Василий занимается государственными делами	
2. 261.20—262.15	Василий занимается церковными делами. 8-й Вселенский собор	869/870

3. 262.16—263.2	Исправление законов	870—879 (время подготовки Прохирона)
4. 263.3—264.1	Мятеж Смбата	866
5. 264.1—265.2	Коронование Константина и Льва	
6. 266.13—271.10	Поход Василия против Хрисохира	871 (868?)
7. 271.11—276.10	Война с Хрисохиром, разрушение Теффрики	872—878
8. 276.11—277.4	Смерть патриарха Игнатия, рукоположение Фотия	877
9. 277.5—17	Восстание Иоанна Куркуаса	
10. 277.18—284.5	Война с арабами, осада Адаты	878
11. 284.6—288.9	Поражение византийцев у Гарса	883
12. 288.11—313.20	Борьба с карфагенскими арабами	866—880
13. 314.3—316.12	Добродетели Василия	
14. 316.13—321.16	Василий благодарит своих благодетелей	первые годы после воцарения?
15. 321.17—341.7	Строительная деятельность	
16. 341.8—344.8	Миссионерская деятельность	870—874
17. 344.19—346.4	Смерть сына Василия Константина	879
18. 346.5—348.9	Снижение налогов	
19. 348.9—351.21	Заточение в тюрьму сына Льва	886

Нетрудно заметить, тенденция к хронологическому следованию, как и в предыдущих книгах, все время «вступает в соревнование» со стремлением историка непременно завершить и представить в целом эпизод-рассказ.

Завершенные по содержанию и композиции эпизоды все время разрывают нить хронологического повествования. В самостоятельную часть выделяется рассказ о строительной деятельности Василия (п. 15)¹⁹, «на одном дыхании» представляет писатель историю пятнадцатилетней войны Василия с карфагенскими арабами (п. 12) и т. д. Знаменательно в этом отношении, что рассказ о борьбе Василия с павликианами и о его походах на Теффрику (п. 7), разделенный у Генесия на две части (*Gen.* 81.34—82.42+85.47—88.65), соединен у Константина Багрянородного в единое целое²⁰. О том, что такой тип композиции вполне сознателен и более того составляет предмет размышления автора, свидетельствует и собственное его заявление. Сообщив о четырех сыновьях царя Василия, Константин присовокупляет к рассказу и сведения о судьбе его дочерей. При этом однако считает нужным оговориться, что эти события случились позже, но пусть они будут сообщены здесь, поскольку они «как по природе, так и по рассказу (*ὡςπερ τῆ φύσει, οὕτω δὲ καὶ τῆ διηγήσει*) связаны с четверкой братьев» (*ThC* 264.21 сл.). Тематический принцип одерживает верх над хронологическим! Именно этот тематический принцип, вторгающийся во временную цепь, и создает в большинстве случаев хронологические «сбои», хорошо видные на приведенной схеме.

Любопытней однако другое. На не слишком последовательное, но в целом хронологически выдержанное повествование накладывается иная композиционная схема. Вновь приглядимся к перечню эпизодов. В первых пяти пунктах речь идет о распоряжении Василия внутренними делами империи. В пунктах 6—12 описываются в основном внешнеполитические события его царствования. В пунктах 13—18 рассказ вновь возвращается к деяниям царя, в основном, во внутренней жизни государства.

¹⁹ Отрывок этот опубликован нами совместно с В. Д. Лихачевой в Византийском временнике (Т. 42. С. 171 и след.).

²⁰ Можно предположить, что в Общем источнике рассказ этот, как и у Продолжателя Феофана, составлял единое целое. Об этом свидетельствует крайне искусственный характер соединения у Генесия второй части эпизода с предыдущим рассказом о победе над карфагенскими арабами (см.: *Gen.* 85.47). Более склонный к хронологическому построению повествования, Генесий и здесь постарался расположить факты во временной последовательности.

При этом места переходов четко отмечены самим автором²¹. Видимо, речь здесь должна идти о той же риторической рубрикации, которую встречали мы и в предыдущих книгах. Константин повествует о деяниях (πράξεις) царя, разделенных на «виды»: деяний внутригосударственных, военных и тех, которые он совершил самолично (αὐτοῦργός). Риторическая рубрикация не подменяет хронологию²², а существует параллельно с ней, представляя собой дополнительное средство организации исторического материала²³. Новая схема и в этом случае накладывается на уже существующую.

* * *

Один из излюбленных приемов классических филологов при анализе литературной формы — поиск модели. Ученые считают свой долг выполненным, находя или воображая образец, по которому творил или с которым соревновался древний автор²⁴. Эта тенденция еще более утривана специалистами по среднегреческой филологии, стремящимися (своеобразный комплекс неполноценности византистов!) непременно найти модель в античной литературе. О попытке Александра свести структуру «Жизнеописания Василия» к схеме энкомия говорилось выше. Еще дальше пошел Р. Дженкинс²⁵. Исследователь, прозорливо увидевший в «Хронографии» Продолжателя Феофана многое, в чем и поныне отказывает византийской словесности большинство ученых, тем не менее, полагал, что различия между книгами историка определяются просто — на просто подражанием разным античным образцам. Нахождению таких образцов и посвящена значительная часть упомянутой статьи американского исследователя. Стремление византийцев творить по «моделям», в том числе и античным, хорошо известно. Вряд ли однако идентификация «оригинала» может удовлетворительно объяснить своеобразие «копии». Тезис этот находит подтверждение и на примере «Хронографии» Продолжателя Феофана. Безусловно, на структуру труда Продолжателя Феофана, как справедливо отмечают исследователи, влияли и «Жизнеописания» Плутарха и энкомии исократовского типа, а, возможно, и «История» Полибия. Однако ни одним из этих влияний нельзя объяснить своеобразие композиции «Хронографии».

Анализируя построение этого сочинения, мы обнаружили в пределах каждой книги не один, а несколько конкурирующих композиционных приемов. Повторим главные из них: хронологическое следование, риторическая рубрикация или библиографическо-энкомиастический принцип, ассоциативно-тематическая связь, и наконец, определенный идеей провидения сквозной мотив повествования. Почти все упомянутые приемы так или иначе объединяют эпизоды вокруг личности героя. Не переставая быть историей («хронографией»), сочинение Продолжателя Феофана уже становится сборником биографий. Сочетание известных приемов порождает новое качество. Жанр, даже в консервативной византийской лите-

²¹ В первом случае (ThC 265.3) говорится, что Василий, хорошо устроив внутренние дела (τὰ οἴκοι), начал военные походы. Во втором случае (ThC 313.21 и след.) сам автор упоминает о необходимости оставить рассказ о военных делах и вернуться к повествованию о том, какие деяния (πράξεις) совершил Василий самолично.

²² Только однажды в «Жизнеописании Василия» происходит серьезный хронологический «сбой» (после пункта 12 нашей схемы). Во всяком случае, внутри разделов πράξεις Василия примерная временная последовательность выдерживается.

²³ П. Александер посвятил целую богатую мыслями и наблюдениями статью доказательству того тезиса, что «Жизнеописание Василия» — это «царское слово» (Zarisches Wort), написанное по всем правилам античного энкомия (Alexander P. Secular Biography at Byzantium // Speculum. 1940. 15. P. ff.). Вряд ли можно согласиться с категоричностью такого утверждения.

²⁴ Наиболее выразительным примером в этом отношении является книга Ф. Лео, оказавшая большое влияние на дальнейшее изучение биографического жанра (F. Leo. Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form. Leipzig, 1901). Столь же выразительную критику концепций немецкого ученого дал С. С. Аверинцев (Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 119 и след.).

²⁵ Jenkins R. J. H. The Classical Background of the Scriptores post Theophanem // DOP. S. 1954.

ратуре, — величина подвижная и изменяющаяся, и первые пять книг Продолжателя Феофана представляют собой как бы фиксированный момент эволюции исторического направления среднегреческой литературы. Чтобы оценить место Продолжателя Феофана на пути этой эволюции, мы сравнивали «Хронографию» с современной ей «Книгой царей» Генесия. Оба сочинения восходят к одному источнику, но как по-разному оба автора сочлениют и компануют свой материал!

«Книга царей» Генесия построена большей частью по традиционному для византийской историографии методу, а основывающиеся на том же историческом материале первые пять книг «Хронографии» Продолжателя Феофана — произведение по композиции новаторское (сколь ни парадоксально это понятие в применении к византийской литературе). Речь, видимо, должна идти о разнице не только творческих индивидуальностей, но и уровней исторического и художественного сознания (вряд ли для этой эпохи следует проводить какую-то грань между тем и другим). И «линия Генесия», и «линия Продолжателя Феофана» протягивается в следующий «предгуманистический» XI век. Первая непосредственно приводит к Иоанну Скилице, вторая — к Михаилу Пселлу.